

Эрих
ФРОММ



Из плена
иллюзий

PHILOSOPHY

Философия – Neoclassic

Эрих Фромм

Из плена иллюзий

«АСТ»

1962

УДК 159.9
ББК 88.5

Фромм Э.

Из плена иллюзий / Э. Фромм — «АСТ»,
1962 — (Философия – Neoclassic)

ISBN 978-5-17-100942-7

Эрих Фромм — крупнейший мыслитель XX века, один из великой когорты «философов от психологии» и духовный лидер Франкфуртской социологической школы. «Из плена иллюзий» — работа, в которой великий ученый исследует генезис, мифологию и основные философские аспекты двух учений, в максимальной степени повлиявших на формирование мышления интеллигенции XX века — марксизма и фрейдизма.

УДК 159.9
ББК 88.5

ISBN 978-5-17-100942-7

© Фромм Э., 1962
© АСТ, 1962

Содержание

I. Несколько эпизодов из моего личного прошлого	5
II. Общие основы	11
III. Концепция человека и его природы	18
IV. Эволюция человека	21
V. Человеческая мотивация	24
VI. Больной индивид и больное общество	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Эрих Фромм

Из плена иллюзий

Требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях.

Критика сбросила с цепей украшавшие их фальшивые цветы – не для того, чтобы человечество продолжало носить эти цепи в их форме, лишенной всякой радости и всякого наслаждения, а для того, чтобы оно сбросило цепи и протянуло руку за живым цветком.

Карл Маркс

Человек не может вечно оставаться ребенком, он должен в конце концов выйти в люди, в «чуждый свет». Мы можем назвать это «воспитанием чувства реальности».

Нет, наша наука не иллюзия. Иллюзией, однако, была бы вера, будто мы еще откуда-то можем получить то, что она не способна нам дать.

На месте Ид (Оно) должно быть Эго (Я).

Зигмунд Фрейд

I. Несколько эпизодов из моего личного прошлого

Если человек задается вопросом о том, как возник его интерес к тем областям мысли, которым суждено было занимать наиболее важное место на протяжении всей его жизни, ответить ему будет не так-то просто. Может быть, у него была врожденная склонность к некоторым вопросам; может быть, на путь формирования его будущих интересов его привело влияние то ли кого-то из учителей, то ли общепринятых идей, то ли личных переживаний, – кто знает, какой из этих факторов определил ход его жизни? Конечно, если бы кто-то захотел точно определить относительный вес каждого из этих факторов, ответ можно было бы дать только с помощью подробной исторической автобиографии.

Поскольку целью настоящей книги является интеллектуальная автобиография, а вовсе не историческая, я постараюсь выбрать такие переживания отрочества, которые привели меня позже к тому, что я заинтересовался теориями Фрейда и Маркса, а также отношением между ними.

Если я хочу понять, как получилось, что первостепенный интерес для меня приобрел вопрос о том, почему люди поступают именно так, а не иначе, меня, пожалуй, устроило бы предположение, что единственному ребенку в семье достаточно иметь вечно озабоченного и угрюмого отца и склонную к депрессии мать, чтобы у него пробудился интерес к странному, таинственным причинам реакций человека на окружающий мир. До сих пор в памяти жив один случай – должно быть, мне было тогда около 12 лет, – который подтолкнул мои мысли гораздо дальше прежнего и подготовил мой интерес к Фрейду, проявившийся лишь десятилетие спустя.

Вот что за случай. Я знал тогда одну молодую женщину, друга нашей семьи. Ей было, видимо, лет 25; она была красива, привлекательна, к тому же она была художницей – первая в жизни знакомая мне художница. Помнится, я слышал, что она была помолвлена, но через некоторое время разорвала помолвку. Помнится, она практически неизменно находилась в компании своего овдовевшего отца. Насколько я его помню, он был старым, неинтересным или, лучше сказать, невзрачным; по крайней мере мне так казалось (возможно, мое пред-

ставление о нем было навеяно ревностью). Однажды я услышал шокирующую новость: ее отец умер, сразу после этого она покончила с собой, оставив завещание, в котором специально оговорила свое желание быть похороненной вместе с отцом.

Я никогда раньше не слышал ни об эдиповом комплексе, ни об инцестуозных привязанностях между дочерью и отцом. Но меня этот случай глубоко задел за живое. Я был очень увлечен этой молодой женщиной; ее непривлекательного отца я невзлюбил; и никогда прежде я не знал никого, кто покончил бы жизнь самоубийством. Меня пронзила мысль: «Как это возможно?» Как это возможно, чтобы красивая молодая женщина настолько возлюбила своего отца, что предпочла быть похороненной вместе с ним, вместо того, чтобы жить, получая удовольствие от жизни и от занятий живописью?

Ответа у меня, конечно же, не было, но вопрос «как это возможно» засел у меня в голове. И когда я познакомился с учением Фрейда, оно показалось мне ответом на загадочное и пугающее переживание того времени, когда я еще только вступал в пору отрочества.

Мой интерес к идеям Маркса имел совершенно иную подоплеку. Я воспитывался в религиозной еврейской семье, и книги Ветхого Завета волновали и развлекали меня больше, чем любые другие внешние воздействия. Впрочем, далеко не все в Ветхом Завете действовало на меня в равной степени. История покорения иудеями Ханаана вызывала у меня скуку и отвращение; я не находил ничего хорошего в рассказах о Мардохее и Эсфири; не ценил я в то время и Песню Песней. Зато на меня произвели большое впечатление рассказы о непослушании Адама и Евы; о заступничестве Авраама перед Богом ради спасения жителей Содомы и Гоморры, о миссии Ионы в Ниневии и многие другие фрагменты Библии. Но больше всего меня растрогали книги пророков Исаии, Амоса, Осии; и не столько своими предостережениями и предсказаниями грядущих несчастий, сколько обещанием «конца времени», когда народы «и перекуют мечи свои на орала, и копия свои – на серпы; не поднимет народ на народ меча, и не будет более учиться воевать» (Исаия 2; 4), когда все народы станут друзьями и когда «земля будет наполнена ведением Господа, как воды наполняют море» (Исаия 11; 9).

Картина всеобщего мира и гармонии между народами глубоко тронула меня, когда мне было всего лет 12–13. Непосредственную причину того, что идеи мира и интернационализма были мною усвоены еще тогда, надо искать скорее всего в особенностях моего положения: мальчик-еврей в христианском окружении, испытывающий на себе некоторые проявления антисемитизма и, что еще важнее, чувствующий отчужденность и клановую обособленность обеих сторон. Я терпеть не мог клановости и, может быть, именно потому, что испытывал непреодолимое желание вырваться из эмоциональной замкнутости одинокого, хотя и избалованного мальчика. Что могло быть для меня более волнующим и прекрасным, чем пророческое видение всеобщего братства и мира?

Все эти личностные переживания, возможно, не так глубоко и надолго подействовали бы на меня, если бы не событие, определившее мое развитие больше, чем что бы то ни было еще: Первая мировая война. Когда началась война летом 1914 года, я был четырнадцатилетним мальчуганом, для которого наиважнейшим вкладом в личный опыт стали и общая возбужденность от известия о начале войны, и празднование побед, и трагедия смерти солдат, которых я лично знал. Меня не беспокоила тогда проблема войны как таковой; ее бессмысленная бесчеловечность тогда еще не поражала меня. Но вскоре все изменилось, чему поспособствовал опыт общения с моими учителями. Мой учитель латыни, который на протяжении двух лет до войны заявлял на уроках, что его любимым изречением является «хочешь мира – готовься к войне», пришел в восторг, когда разразилась война. Тут-то до меня дошло, что его видимая забота о мире не могла быть истинной. Как это возможно, чтобы человек, который, казалось, всегда беспокоился о сохранении мира, теперь так ликовал по поводу начала войны? С тех пор мне трудно поверить в то, что, вооружаясь, мы способствуем сохранению

мира, даже когда этот принцип отстаивают люди, в гораздо большей степени обладающие доброй волей и честностью, чем мой учитель латыни.

Точно так же меня поразила истерия ненависти к англичанам, охватившая в те годы всю Германию. Они вдруг превратились в жалких торгашей, злобных и бессовестных, стремящихся истребить наших простодушных и слишком доверчивых немецких героев. Посреди этой всенародной истерии в моей памяти особняком стоит одно событие, имевшее для меня решающее значение. На занятиях по английскому языку нам задали выучить наизусть Британский национальный гимн. Это задание мы получили накануне летних каникул, когда еще был мир. Когда же возобновились занятия, мы, мальчики, – частично из озорства, частично под влиянием общего настроения ненависти к Англии – заявили учителю, что отказываемся учить национальный гимн нашего нынешнего злейшего врага. До сих пор вижу, как он, стоя перед классом, отвечает на наши протесты иронической улыбкой и спокойно говорит: «Не морочьте себе голову, до сих пор Англия не проиграла еще ни одной войны». То был голос здравого смысла и реализма посреди безумной ненависти, и этот голос принадлежал уважаемому учителю, которым я восхищался! Одно лишь это высказывание в сочетании с тем, как спокойно и рассудительно оно было произнесено, явилось для меня лучом света, прорвавшимся сквозь ставшую привычной оголтелую ненависть и национальное самовосхваление. То был прорыв, заставивший меня с удивлением подумать: «Как это возможно?»

Чем старше я становился, тем больше росли мои сомнения. Многие мои дяди, двоюродные братья, более старшие школьные товарищи погибли на фронте; предсказанная генералами победа обернулась ложью, и скоро я научился понимать двойной смысл выражений «стратегическое отступление» и «победоносная оборона». К тому же произошло еще кое-что. С самого начала немецкая пресса представляла дело так, будто война навязана немецкому народу завистливыми соседями, желавшими задушить Германию, чтобы избавиться от удачливого конкурента. Войну изображали как борьбу за свободу: в самом деле, разве Германия сражалась не против русского царя – этого воплощения рабства и угнетения?

Хотя все это звучало убедительно в течение некоторого времени, особенно потому что не слышно было ни одного возражения, мое доверие к этим утверждениям начало подтачиваться сомнениями. Прежде всего стало известно, что все большее количество депутатов-социалистов голосуют в рейхстаге против военного бюджета и подвергают критике официальную позицию германского правительства. По рукам ходил памфлет под названием «J'accuse» (Я обвиняю), в котором в первую очередь обсуждался вопрос о вине за войну – насколько я помню – с позиции западных союзников. Из него явствовало, что правительство империи вовсе не является невинной жертвой нападения, а, наоборот, вместе с австро-венгерским правительством несет основную ответственность за войну.

А война продолжалась. Окопы протянулись от границы Швейцарии на север до самого моря. Поговорив с солдатами, люди узнавали о том, как те жили, втиснувшись в окопы и блиндажи, под сильнейшим артиллерийским огнем, означавшим, что противник переходит в наступление, вновь и вновь пытаюсь прорваться, и все безуспешно. Год за годом молодые здоровые солдаты каждой из воюющих наций, обитая в земляных углублениях, подобно животным, убивали друг друга из винтовок и пулеметов, ручными гранатами и штыками. Бойня продолжалась под лживые обещания скорой победы, фальшивые заявления о собственной невинности, столь же фальшивые обвинения в адрес проклятого врага, притворные изъявления готовности заключить мир и неискренние провозглашения условий мира.

Чем дольше это продолжалось, тем больше я вырос и тем насущнее становился вопрос «Как это возможно?». Как это возможно, чтобы миллионы людей продолжали жить в окопах, убивать ни в чем не повинных представителей других народов и погибать самим, причиняя глубочайшую боль своим родителям, женам, друзьям? За что они воюют? Как это возможно, чтобы обе стороны верили, что воюют за мир и свободу? Как это возможно,

чтобы разразилась война, когда все утверждали, что не хотят ее? Как это возможно, чтобы война продолжалась, когда обе стороны заявляют, что им не нужно никаких завоеваний, что им нужно лишь сохранить свое национальное достоинство и целостность страны? Если же, как показали дальнейшие события, обе стороны все-таки стремились к завоеваниям и жаждали прославить своих политических и военных лидеров, как это возможно, чтобы миллионы людей с обеих сторон позволили истреблять себя ради какого-то куска территории или из-за тщеславия каких-то лидеров? Является ли война результатом случайности, лишенной смысла, или же она – продукт определенного социального и политического развития, осуществляемого по своим законам, – развития, которое можно понять – или даже предсказать, если знать природу этих законов?

Когда закончилась война в 1918 году, я уже был глубоко озабоченным молодым человеком: меня всецело захватил вопрос о том, как возможна война; я был одержим желанием осмыслить иррациональность поведения человеческих масс, страстным желанием мира и взаимопонимания между народами. Больше того, я стал очень подозрительно относиться к официальным идеологиям и декларациям и проникся убеждением, что сомневаться надо во всем.

Я постарался показать здесь, какие переживания отрочества породили у меня горячий интерес к учениям Фрейда и Маркса. Меня мучили вопросы о явлениях индивидуальной и общественной жизни, и я жаждал получить на них ответ. Ответы я нашел в учениях как Фрейда, так и Маркса. Но меня подстегивали и противоположность двух систем, и желание объяснить эту противоречивость. В конечном итоге чем старше я становился и чем больше учился, тем больше я сомневался в некоторых положениях обеих систем. Тогда-то ясно определился мой основной интерес. Я захотел понять, какие законы управляют жизнью отдельного человека и каковы законы общества, управляющие людьми в их социальном существовании. Я попытался найти непререкаемую истину в построениях Фрейда, отделив ее от положений, нуждавшихся в пересмотре. То же самое попробовал я сделать и с теорией Маркса. Наконец, я постарался собрать воедино и свое понимание обоих мыслителей, и критическое отношение к ним. Причем эту попытку я предпринял не только с помощью теоретических рассуждений. И не то чтобы я был невысокого мнения о чистом умозрении (все зависит от того, кто занимается умозрением); но, уверовав в высшую ценность сплава эмпирических наблюдений с умозрительными построениями (большая часть трудностей, с которыми сталкивается современная общественная наука, связана с тем, что в ней зачастую содержатся одни лишь эмпирические наблюдения без каких-либо умозрительных построений), я всегда стараюсь предоставить своей мысли возможность руководствоваться наблюдением фактов и, если кажется, что наблюдение подтверждает ее, стремлюсь пересматривать свои теоретические положения.

Что касается моей психологической теории, у меня была прекрасная возможность для соответствующих наблюдений. На протяжении более 35 лет я был практикующим психоаналитиком. Я тщательно обследовал поведение, свободные ассоциации и сновидения тех людей, которых подвергал психоанализу. Как в этом, так и в других моих сочинениях нет ни одного теоретического вывода, который не основывался бы на критическом наблюдении за поведением человека в процессе психоаналитической работы. Что же касается изучения общественного поведения, то я не так активно занимался им, как психоаналитической практикой. Хотя я страстно интересуюсь политикой лет с 11–12 (когда мы обсуждали политические вопросы с одним социалистом, занятым в бизнесе моего отца) и по сей день, я в то же время понимаю, что по своему темпераменту не гоюсь для политической деятельности. Поэтому я не принимал в ней участия вплоть до недавнего времени, когда я вступил в американскую социалистическую партию и включился в движение за мир. Я поступил так не потому, что изменил мнение относительно своих способностей, а потому, что почувствовал,

что мой долг – не оставаться в стороне, когда мир, похоже, движется к им же избранной катастрофе. Спешу добавить, что это было больше, чем чувство долга. Чем более нездоровым и обесчеловеченным предстает наш мир, тем большую потребность в единении с другими людьми, видимо, чувствует человек, – потребность в совместной работе с теми мужчинами и женщинами, которые разделяют его человеческую озабоченность. Я ясно ощущал эту потребность и благодарен тем людям, с которыми мне выпало счастье работать, за то, что своим товарищеским настроем они побуждали и поддерживали меня. Но хотя я не принимал активного участия в политике, моя социологическая мысль опиралась отнюдь не только на книги. Конечно, без Маркса и – в несколько меньшей степени – без других первопроходцев общественной науки моя мыслительная деятельность лишилась бы наиболее важных стимулов. Однако прожитый мною исторический период стал социальной лабораторией, в которой неудача исключена. Первая мировая война, революции в Германии и в России, победа фашизма в Италии, постепенное приближение победы нацизма в Германии, закат русской революции и извращение ее достижений, гражданская война в Испании, Вторая мировая война и гонка вооружений – все это давало про стор эмпирическим наблюдениям, которые позволяли вырабатывать гипотезы, подтверждать их или опровергать. Страстно заинтересованный в том, чтобы разбираться в политических событиях, и в то же время признающий, что по темпераменту не создан быть их активным участником, я сохранил определенную степень объективности, хотя бесстрастность, которую некоторые политологи считают необходимым признаком объективности, мне совершенно не свойственна.

До сих пор я старался предоставить читателю возможность разделить со мной некоторые мои переживания и соображения, сделавшие меня особенно восприимчивым, когда в возрасте двадцати лет я соприкоснулся с идеями Фрейда и Маркса. На следующих страницах я оставлю в стороне упоминания о развитии моей персоны и буду говорить об идеях и теоретических представлениях как Фрейда, так и Маркса, о противоречиях между ними, о моей собственной идее синтеза – идее, проистекающей из попытки понять и разрешить эти противоречия.

Но прежде чем приступить к обсуждению систем Маркса и Фрейда, надо сделать еще одну оговорку. Как и Эйнштейн, Маркс и Фрейд были творцами современной эпохи. Все трое были преисполнены уверенности в том, что действительность в основе своей упорядочена, а базисная упорядоченность, проявляющаяся в природе, частью которой является и человек, – это не загадка, которую нужно разгадать, но модель или план, которые нужно изучать. Поэтому в их работах – в каждой по-своему – сочетаются элементы высокого искусства и науки с ярчайшим выражением человеческого стремления к пониманию, его потребности в знании. В этой книге, однако, я буду заниматься только Марксом и Фрейдом. В связи с тем, что эти имена поставлены рядом, легко может сложиться впечатление, будто я считаю их равновеликими фигурами, имеющими одинаковое историческое значение. С самого начала хочу пояснить, что это не так. Вряд ли нужно говорить о том, что Маркс – это такая фигура всемирно-исторического значения, с которой Фрейд даже сравнивать нельзя. Даже если вы вместе со мной глубоко сожалеете о том, что почти в третьей части земного шара проповедуется искаженный и деградировавший «марксизм», это не уменьшает уникального исторического значения Маркса. Но и безотносительно к этому историческому факту я считаю Маркса мыслителем гораздо большей глубины и охвата, чем Фрейд. Марксу удалось соединить духовное наследие гуманизма эпохи Просвещения и немецкого идеализма с экономической и социальной реальностью и тем самым заложить основу новой науки о человеке и обществе, опирающейся на факты и в то же время проникнутой духом западной гуманистической традиции. И хотя большинство систем, претендующих на то, чтобы говорить от имени Маркса, отвергают дух гуманизма или искажают его, я верю – и постараюсь показать в данной книге, – что возрождение западного гуманизма вернет Марксу его выдающееся

место в истории человеческой мысли. Однако и после всего сказанного было бы наивным игнорировать значимость Фрейда только потому, что он не достиг высот Маркса. Фрейд является основателем подлинно научной психологии, а открытие им бессознательных процессов и динамической природы характера составляет уникальный вклад в науку о человеке, изменивший представление о человеке на все грядущие времена.

II. Общие основы

Прежде чем перейти к более подробному обсуждению теорий Маркса и Фрейда, хочу кратко описать основные предпосылки, общие для обоих мыслителей, – ту почву, на которой произрастает их мышление.

Эти фундаментальные идеи лучше всего можно выразить тремя короткими высказываниями, два из которых римские и одно христианское. Высказывания таковы: 1) Подвергай все сомнению. 2) Ничто человеческое мне не чуждо (Теренций)¹. 3) Истина приведет к освобождению.

Первое положение выражает то, что можно назвать «критическим умонастроением». Оно характерно для современной науки. Но если в естественных науках сомнительными представляются свидетельства органов чувств, общепринятое или традиционное мнения, то в теоретических построениях Маркса и Фрейда сомнения касаются в основном представлений человека о себе и о других. Как я постараюсь подробно показать в главе о сознании, Маркс полагал, что то, что мы думаем о себе и других, – как правило, чистейшая иллюзия, «идеология». Он считал, что наши собственные мысли – это копии идей, которые создаются в любом обществе и, в свою очередь, определяются спецификой его структуры и функционирования. Для Маркса характерно настороженное, скептическое отношение ко всем идеологиям, идеям и идеалам. Он всегда подозревал, что за ними кроются экономические и социальные интересы. Его скептицизм был настолько силен, что он почти не употреблял таких слов, как свобода, истина, справедливость, – потому, что ими так часто злоупотребляли, а вовсе не потому, что свобода, справедливость и истина не были для него высшими ценностями.

Фрейд мыслил в том же самом «критическом духе». Весь его психоаналитический метод можно описать как «искусство сомневаться». Находясь под сильным впечатлением от опытов с гипнозом, показавших, до какой степени человек в состоянии транса может принимать за реальность то, что ею не является, он открыл, что большая часть мыслей человека, не находящегося в трансе, также не соответствует действительности, в то время как большая часть реальности не осознается. Маркс считал определяющей реальностью социально-экономическую структуру общества, тогда как для Фрейда это либидозная² организация индивида. Однако оба они испытывали неистребимое недоверие ко всякого рода схемам, идеям, рационализациям³ и идеологиям, забивающим людям головы и создающим основу для заблуждений относительно действительного положения вещей.

Этот скептицизм по отношению к «расхожим мыслям» неразрывно связан с верой в освобождающую силу истины. Маркс хотел освободить человека от оков зависимости, отчуждения, экономического порабощения. Каков же был его метод? Отнюдь не сила, вопреки широко распространенному убеждению. Он хотел завоевать умы большинства людей. И хотя, согласно его учению, можно было бы применять и силу, если бы меньшинство тоже использовало силу в своем сопротивлении воле большинства, основным для Маркса был вопрос не о том, как взять государственную власть, а о том, как завоевать умы людей. Маркс и его достойные преемники пользовались в своей «пропаганде» методом, противопо-

¹ Оба этих высказывания Маркс упоминал как свои любимые изречения. См. в книге E. Fromm *Marx's Concept of Man* (New York: 19 Frederick Ungar Publishing Co., Inc., 1961). – Примеч. автора. // В переводе на русский язык: Фромм Э. Концепция человека у Маркса // Душа человека / Э. Фромм. – М., 1992. – Примеч. пер.

² Либидо – введенное Фрейдом понятие для обозначения энергетически заряженных влечений сексуального характера. – Примеч. пер.

³ Рационализация – бессознательное оправдание собственного поведения путем приписывания ему ложных, но разумно звучащих оснований, приемлемых для сверх-Я; рациональное объяснение своих неразумных действий. – Примеч. пер.

ложным тому, что применялся всеми остальными политиками, будь то буржуа, фашисты или коммунисты. Он стремился воздействовать не демагогическим увещанием, которое приводит людей в полугипнотическое состояние, подкрепляемое чувством страха, а призывом к чувству реальности, правдой. В основе Марксова «оружия истины» лежит то же самое положение, что и у Фрейда: человек живет в мире иллюзий, потому что иллюзии помогают ему переносить убожество реальной жизни. Если ему удастся понять, чему служат эти иллюзии, если ему удастся очнуться от полудремотного состояния, он сможет прийти в себя, осознать свои подлинные силы и изменить действительность так, чтобы иллюзии больше не понадобились. «Ложное сознание», т. е. искаженная картина действительности ослабляет человека. Соприкосновение с действительностью, адекватное представление о ней прибавляют человеку сил. Поэтому Маркс верил, что наиболее важным оружием является правда, разоблачение истинного положения дел, скрытого под иллюзиями и идеологиями. В этом и состоит уникальность марксистской пропаганды: это эмоциональный призыв к определенным политическим целям в сочетании с научным анализом социально-исторических явлений. Наиболее известным примером такого соединения является, конечно, «Манифест Коммунистической партии». Он содержит в сжатой форме блестящий и ясный анализ истории, влияния экономических факторов и отношений между классами. И в то же время это политический памфлет, завершающийся пламенным обращением к рабочему классу. То, что политический лидер должен быть одновременно обществоведом и писателем, можно проследить не только на примере Маркса. Энгельс, Бебель, Жорес, Роза Люксембург, Ленин и многие другие руководители социалистического движения были писателями и вместе с тем изучали общественные науки и политику. (Даже Сталин, не обладавший литературным или научным даром, вынужден был писать книги или хотя бы иметь книги, написанные от его имени, чтобы доказать, что он достойный преемник Маркса и Ленина.) В действительности, однако, при Сталине эта сторона социалистического движения претерпела полное изменение. Поскольку советскую систему нельзя подвергать научному анализу, советские обществоведы превратились в апологетов этой системы и сохранили научный подход только в технических вопросах, связанных с производством, распределением, организацией и т. д.

В то время как Маркс считал истину «оружием» для стимулирования социальных преобразований, для Фрейда она была средством вызывать индивидуальные изменения, и *осознание* было основным компонентом Фрейдовой терапии. Как обнаружил Фрейд, если пациент достиг нет прозрения насчет вымышленного характера своих осознанных идей, если ему удастся уловить действительность, скрытую за этими идеями, если он сумеет превратить бессознательное в осознанное, он приобретет достаточную силу, чтобы избавиться от собственной иррациональности и переделать себя. Добиться поставленной Фрейдом цели: «На месте Ид (Оно) должно быть Эго (Я)»⁴ – можно только благодаря усилию разума, направленному на то, чтобы прорваться сквозь вымысел и достигнуть осознания действительности. Именно такая функция разума и истины делает психоаналитическое лечение уникальным среди всех форм терапии. Каждый случай анализа пациента – это новое и оригинальное исследование. И хотя, разумеется, есть общие теории и принципы, которые можно использовать, не существует единого образца, единой формулы, которую можно было бы применять к каждому пациенту с пользой для него. Подобно тому как для Маркса политический лидер должен быть обществоведом, для Фрейда врач должен быть ученым, способным самостоятельно вести исследование. Для обоих истина – основное средство преобразования соответственно общества и индивида; осознание – ключ к лечению и общества, и индивида.

⁴ Формула Фрейда в переводе с немецкого языка выглядит так: «Там, где было Оно, должно быть Я». (Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. – М., 1991. – С. 349). – Примеч. пер.

Утверждение Маркса о том, что «требование отказа от иллюзий о своем положении есть требование отказа от такого положения, которое нуждается в иллюзиях», могло бы также принадлежать и Фрейду. Оба хотели освободить человека от оков иллюзий, чтобы дать ему возможность проснуться и действовать, как положено свободному человеку.

Третий основной элемент, общий для обеих систем, — это гуманизм. Гуманизм в том смысле, что каждый человек представляет все человечество, поэтому ничто человеческое не может быть чуждым ему. Маркс основывался на традиции, одними из наиболее выдающихся представителей которой были Вольтер, Лессинг, Гердер, Гегель и Гёте. Фрейд выразил свою гуманистическую направленность в первую очередь в концепции бессознательного. Он полагал, что всем людям свойственны одни и те же бессознательные стремления и что поэтому люди смогут понять друг друга, если только осмелятся погрузиться в пучину бессознательного. Он обследовал бессознательные фантазии своих пациентов без возмущения, осуждения и даже без удивления. «Материал, из которого создаются сновидения», как и весь мир бессознательного, стали объектом исследования именно потому, что Фрейд признал их исконно человеческими и универсальными.

Принципы сомнения, могущества истины и гуманизма являются руководящими и движущими в деятельности и Маркса, и Фрейда. Впрочем, вводная глава об общей основе, на которой произросли идеи обоих мыслителей, окажется неполной, если не коснуться по крайней мере еще одной черты, общей для обеих систем: их динамического и диалектического подхода к реальности. Обсуждение этой темы особенно важно потому, что в англосаксонских странах гегелевская философия не в ходу на протяжении долгого времени, так что динамический подход Маркса и Фрейда жители этих стран просто не готовы понять. Давайте начнем с нескольких примеров как из области психологии, так и из области социологии.

Возьмем, к примеру, человека, который трижды женился и всегда по одной и той же схеме. Он влюбляется в симпатичную девушку, женится на ней и некоторое время чувствует себя невероятно счастливым. Затем он начинает жаловаться, что его жена деспотична, что она ограничивает его свободу и т. д. По прошествии некоторого периода чередования ссор и примирений он влюбляется в другую девушку, в действительности очень похожую на свою жену. Он разводится, сочетается браком со своей второй «великой любовью». Однако тот же самый цикл повторяется с небольшими изменениями, и снова он влюбляется в девушку того же типа, и снова он разводится и в третий раз женится по «великой любви». И вновь повторяется та же история, и он влюбляется в четвертый раз, уверенный, что уж на сей раз это подлинная любовь (забывая, что и прежде каждый раз он был уверен в том же самом), и хочет жениться на ней. Что бы мы сказали этой последней девушке, если бы она спросила нас, может ли она рассчитывать на счастливый брак с ним? К этой проблеме есть несколько подходов. Первый из них — чисто бихевиористский. Суть его состоит в умозаключении от прошлого поведения к будущему. Аргументация звучала бы так: поскольку данный человек уже трижды уходил от жены, весьма вероятно, что он поступит так же и в четвертый раз, поэтому выходить за него замуж слишком рискованно. В пользу такого подхода — трезвого и эмпирически обоснованного — можно много чего сказать. Однако, воспользовавшись этим подходом, мать девушки столкнется с трудностью в поисках ответа на возражение своей дочери. А возражение гласит: хотя это чистая правда, что он трижды поступал совершенно одинаково, отсюда вовсе не следует, будто и на сей раз он сделает то же самое. Ее контраргумент основывается либо на том, что молодой человек изменился — а кто скажет, что человек не может измениться? — либо на том, что другие женщины были не такими, каких он мог бы глубоко полюбить, тогда как она — последняя из них — действительно ему подходит. Против такого довода у матери не нашлось бы убедительного возражения. В самом деле, стоило бы матери увидеть этого человека и заметить, в каком восторге он от ее дочери и

с какой искренностью говорит о своей любви, как даже она, возможно, изменила бы свое мнение и склонилась к позиции дочери.

Подходы как матери, так и дочери равно лишены динамизма. Обе они предсказывают будущее либо на основе прошлых проявлений, либо опираясь на нынешние слова и поступки, однако ни та, ни другая не могут доказать, что их предсказания чем-то лучше простых догадок.

В чем же, в противовес такому подходу, состоит подход динамический? Суть этого подхода заключается в том, чтобы прорваться сквозь внешние проявления прошлого и настоящего поведения и понять, какие силы породили данный *образец* поведения в прошлом. Если эти силы все еще существуют, приходится предположить, что четвертая женитьба окончится не иначе, чем предыдущие. С другой стороны, если что-то изменилось в силах, лежащих в основании поведения, следовало бы допустить возможность или даже вероятность другого исхода по сравнению с прошлым. О каких же силах идет здесь речь? В них нет ничего таинственного, и они отнюдь не плод абстрактных спекуляций. Они эмпирически постижимы, если только правильно подойти к изучению поведения личности. Например, можно предположить, что данный человек не разорвал первичных уз с матерью, что он очень нарциссичен⁵ и глубоко сомневается в собственной мужественности, что он подросток – переросток в своей постоянной потребности чувствовать восхищение и расположение со стороны других людей, так что, найдя женщину, удовлетворяющую эти его потребности, и завоевав ее, он вскоре начинает тяготиться ею. Ему нужны новые доказательства его привлекательности, поэтому он должен искать другую женщину, способную опять убедить его. В то же время он действительно зависит от женщин и боится их, а продолжительные интимные отношения заставляют его почувствовать себя поработанным и скованным. Здесь действуют такие силы, как нарциссизм, зависимость, неуверенность в себе, которые и порождают потребности, ведущие к описанному виду поведения. Как я уже говорил, эти силы ни в коем случае не результат абстрактного умозрения. Их можно проследить многими способами: исследуя сновидения, свободные ассоциации, фантазии; наблюдая за выражением лица, жестами, манерой говорить и тому подобное. Правда, зачастую они не бросаются в глаза, их приходится выводить теоретически. К тому же их можно распознать только в рамках теоретической системы, где им принадлежит определенное место и значение. Особенно важно то, что эти силы сами по себе не являются неосознаваемыми, однако они находятся в противоречии с осознанными мыслями данного человека. Он искренне убежден в том, что будет любить эту девушку во веки веков, что он независим, силен и уверен в себе. Поэтому обычный человек думает так: раз человек чувствует, что любит женщину, как можно предсказывать, что он вскоре бросит ее, ссылаясь на такие мистические сущности, как «фиксация на матери», «нарциссизм» и т. п.? Разве наши глаза и уши не лучшие судьи, чем подобные дедуктивные выводы?

Точно такая же проблема есть и в марксистском обществоведении. Наилучшим введением в нее тоже послужит пример. Германия развязала две войны – одну в 1914 г., другую в 1939-м, – в которых она едва не покорила своих западных соседей и едва не нанесла поражения России. После первоначального успеха Германия в обоих случаях потерпела поражение главным образом из-за превосходящей мощи Соединенных Штатов; экономика Германии сильно пострадала, но в обоих случаях была быстро восстановлена, и через 5–10 лет после войны страна достигала такой же экономической и военной мощи, какой она располагала до войны. Сегодня по прошествии немногим более 15 лет после своего поражения, которое было гораздо более сокрушительным, чем поражение в войне 1914–1918 гг., Германия –

⁵ Нарциссизм – склонность к замкнутости на себе, к самолюбованию как результат фиксации либидо на одной из ранних стадий развития психики (по имени героя древнегреческой мифологии Нарцисса). – Примеч. пер.

вновь сильнейшая в Европе индустриальная и военная держава (после Советского Союза). Она утратила значительную часть своей прежней территории, однако процветает больше, чем когда-либо прежде. В сегодняшней Германии демократический режим; у нее небольшая армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы; она заявляет, что не будет пытаться вернуть силой утраченные земли, хотя и не отказывается от претензий на них. С опаской и подозрением взирают на новую Германию страны советского блока и небольшие группы людей в западных странах. Это объясняется тем, что Германия дважды нападала на соседей и дважды заново вооружалась, несмотря на поражения; что генералы «новой» Германии – те же самые, что служили Гитлеру, и поневоле приходится ожидать, что Германия предпримет третью попытку, на этот раз напав на Советский Союз, чтобы вернуть себе утраченные земли. Лидеры стран НАТО, да и в значительной степени общественное мнение отвечают на это, что подобные подозрения неоправданны и даже совершенно фантастичны. Разве речь идет не о новой демократической Германии, разве ее лидеры не заявили, что они стремятся к миру, разве германская армия не является настолько малочисленной (12 дивизий), чтобы не представлять ни для кого угрозы? Если принимать во внимание только заявления западно-германского правительства (допуская, что оно говорит правду) и нынешнюю мощь страны, тогда позиция НАТО представляется весьма убедительной. Если же доказывать, что Германия опять совершит нападение, потому что делала это раньше, то получим тоже довольно убедительный аргумент, не опровергающий, однако, того, что Германия могла совершенно измениться. Здесь, как и в приведенном выше примере из психологии, можно расстаться с домыслами только в том случае, если заняться анализом сил, определяющих развитие Германии.

Заметный подъем германской промышленности начался только после 1871 года, так что среди великих западных индустриальных систем Германия оказалась в числе опоздавших. В 1895 году по производству стали она достигла уровня Великобритании, а к 1914 году Германия намного опередила и Англию, и Францию. Германия располагала самым высокопроизводительным оборудованием (в основном благодаря трезвомыслящему, трудолюбивому, образованному рабочему классу), но ей не хватало сырья, да и колоний было мало. Чтобы максимально реализовать свой экономический потенциал, она должна была расширяться, захватывать территории, богатые сырьем, в Европе и в Африке. В то же время Германии досталось в наследство от Пруссии сословие офицеров, воспитанных в давних традициях дисциплины, верности и преданности армии. Промышленный потенциал с присущей ему склонностью к экспансии в сочетании со способностями и амбициями военного сословия явились той взрывоопасной смесью, которая привела Германию к авантюре Первой мировой войны в 1914 году. В то время как германское правительство во главе с Бетманом-Гольвегом не помышляло о войне, военные подталкивали его к ней, и спустя три месяца после начала войны оно признало те цели войны, которые навязывались правительству представителями германской тяжелой промышленности и крупных банков. Цели войны были более или менее теми же, что и заявленные *Alldeutscher Verband* – этим политическим авангардом промышленных кругов начиная с 90-х годов: французские, бельгийские и люксембургские месторождения угля и железа, колонии в Африке (особенно Катанга) и некоторые территории на востоке. Войну Германия проиграла, но тем же самым промышленникам и военным удалось сохранить свое могущество, несмотря на революцию, которая вроде бы некоторое время угрожала их власти. В 30-е годы Германия снова достигла такого же превосходства, как и накануне 1914 года. Однако сильнейший экономический кризис с шестью миллионами безработных начал угрожать всей капиталистической системе. Социалисты и коммунисты в общей сложности получили на выборах чуть меньше половины голосов населения и вдобавок нацисты собирали на митинги миллионы людей, заявляя о своей якобы антикапиталистической платформе. Промышленники, банкиры и генералы приняли пред-

ложение Гитлера ликвидировать левые партии и профсоюзы и утвердить дух национализма вместе с созданием новой сильной армии. В обмен ему позволили выполнить его расистскую программу – программу, которая не слишком-то нравилась его союзникам в сфере промышленности и в армии, но против которой они не слишком-то и возражали. Единственная вооруженная сила нацистов, которая могла бы представлять опасность для промышленников и армии – отряды СА, – была уничтожена в 1934 году путем ликвидации всех ее лидеров сразу. Целью Гитлера было осуществление той же самой программы, что и программа Людендорфа в 1914 году. Правда, на сей раз генералы планировали войну с большей необходимостью. Но благодаря сочувственной поддержке западных правительств, Гитлер сумел убедить генералов в исключительности своего таланта и в правильности своих милитаристских планов. Он завоевал их поддержку на ведение войны 1939 года, цели которой были те же самые, что и у кайзера в 1914 году. Хотя Запад сочувственно относился к Гитлеру вплоть до 1938 года и почти не протестовал против устроенных им гонений по расовым и политическим мотивам, положение изменилось, когда он перестал соблюдать осторожность и втянул Великобританию и Францию в войну. С этого момента все стали делать вид, будто война против Гитлера – это война против диктатуры, тогда как на самом деле она была, как и в 1914 году, войной против наступления на экономические и политические позиции западных держав.

Потерпев поражение, Германия воспользовалась мифом о том, будто Вторая мировая война была войной против нацистской диктатуры, избавившись от наиболее явных и широко известных нацистских лидеров (уплатив значительные суммы в качестве репараций евреям и израильскому правительству) и заявив тем самым, что новая Германия абсолютно отлична от кайзеровской и от гитлеровской. Подлинная же ее основа не изменилась. Сегодня промышленность Германии столь же сильна, как и перед Второй мировой войной, хотя территория ее еще больше сократилась. Военная каста Германии осталась той же самой, хотя юнкерство и утратило свои экономические позиции в Восточной Пруссии. Силы германского экспансионизма, существовавшие в 1914 и 1939 гг., остались прежними, но на сей раз у них в запасе – мощный эмоциональный заряд, проявляющийся в шумных требованиях возвратить «отторгнутые» земли. Германские лидеры кое-чему научились: на сей раз они начинают с того, что заключают союз с Соединенными Штатами, чтобы сильнейшая западная держава не стала их потенциальным противником. На сей раз они присоединились к сообществу со всей Западной Европой, имея хорошие шансы на то, чтобы стать ведущей державой в новой федеративной Европе в качестве сильнейшей в экономическом и военном отношениях. Новая Европа во главе с Германией будет столь же экспансионистской, как и старая Германия; в своем стремлении вернуть прежние германские территории она будет даже еще большей угрозой миру. При этом я не имею в виду, будто Германия хочет войны, особенно термоядерной. Я хочу сказать, что новая Германия надеется достичь своих целей без войны, одной лишь угрозой достигнутой ею превосходящей силы⁶. Однако подобный расчет наиболее вероятно приведет к войне, поскольку Советский блок, как и Великобритания и Франция в 1914 и 1939 гг., не будет безучастно взирать на то, что Германия становится все сильнее и сильнее.

Вновь дело здесь в том, что действуют экономические, социальные и эмоциональные силы, вызвавшие две войны в течение 25 лет и, вероятно, способные породить еще одну. Это не значит, будто кто-то *хочет* войны; эти силы действуют за спиной у людей и создают некоторые обстоятельства, способствующие войне. Только анализ этих сил может помочь нам

⁶ В радиointервью от 6 марта 1952 г. Аденауэр заявил: «Покуда Запад силен, будет и реальная стартовая позиция для мирных переговоров, с тем чтобы мирно освободить не только советскую зону, но и всю поработленную Европу к востоку от железного занавеса». – Примеч. автора.

понять прошлое и предсказать будущее, а не взгляд, ограниченный наблюдением за явлениями, как они существуют на данный момент.

У Маркса, как и у Фрейда, были предшественники. Тем не менее каждый из них впервые подошел к предмету своего исследования с научных позиций. Они сделали для исследования соответственно общества и индивида то же, чем для физиологии было открытие клетки, а для теоретической физики – атома. Маркс рассматривал общество как сложную систему противоречивых, но познаваемых сил. Знание этих сил позволяет понимать прошлое и до некоторой степени предсказывать будущее – не в том смысле, чтобы предсказать события, которые непременно произойдут, а в том, чтобы предсказать границы тех возможностей, из которых человеку предстоит выбрать.

Фрейд открыл, что человек как психическая целостность представляет собой структуру, составленную из сил, в значительной мере противоречивых и заряженных энергией. И здесь также мы имеем дело с научной проблемой специфики, интенсивности и направленности этих сил, чтобы понять прошлое и предсказать варианты на будущее. И здесь также изменения возможны ровно настолько, насколько данное соотношение сил их позволяет. К тому же действительные изменения, т. е. энергетические изменения внутри данной структуры, требуют не только глубокого понимания этих сил и законов, в соответствии с которыми они происходят, но также значительных усилий и твердого намерения.

Общей почвой, на которой произросла мысль как Маркса, так и Фрейда, в конечном счете является концепция гуманизма и человечности, которая, восходя к иудео-христианской и греко-романской традициям, вновь вошла в европейскую историю в эпоху Возрождения и полностью раскрылась в XVIII–XIX вв. Гуманистический идеал Возрождения состоял в наиболее полном развертывании универсального человека, который рассматривался как высший продукт естественного развития. Защита Фрейдом прав человека на естественные побуждения вопреки ограничениям, налагаемым обществом, как и его идеал, согласно которому разум контролирует и облагораживает эти побуждения, являются частью гуманистической традиции. Протест Маркса против социального порядка, при котором рабская зависимость человека от экономики уродует его, его идеал полного развертывания целостного, неотчужденного человека является частью той же самой гуманистической традиции. Взгляд Фрейда сужался его механистическим материализмом, который объяснял потребности человеческой природы как преимущественно сексуальные. Взгляд Маркса был гораздо более широким благодаря тому, что он видел, как классовое общество уродует человека, и поэтому мог составить представление о неизуродованном человеке и возможностях для его развития, если только общество станет подлинно человеческим. Фрейд был либеральным реформатором, Маркс – радикальным революционером. Но сколь бы разными они ни были, их объединяло непреклонное желание освободить человека, одинаково непреклонная вера в то, что истина – средство освобождения, и уверенность в том, что условием освобождения является способность человека разорвать оковы иллюзий.

III. Концепция человека и его природы

Общеизвестно, что всем людям свойственны одни и те же основные антропологические и физиологические черты, и каждый врач понимает, что любого человека, вне зависимости от расы и цвета кожи, он мог бы лечить теми же методами, какие он применяет к человеку своей расы. Но имеет ли человек столь же общую психическую организацию; есть ли у всех людей вообще одна и та же человеческая природа? Существует ли такая сущность, как «человеческая природа»?

Этот вопрос ни в коем случае нельзя считать чисто академическим. Если бы люди различались в своей психической и духовной основе, как бы мы могли говорить о человечестве в более широком смысле, нежели физиологический и анатомический? Как бы мы могли понять «чужака», если бы он принципиально отличался от нас? Как бы мы могли понять искусство совершенно иных культур, их мифы, их драму, их скульптуру? Не свидетельствует ли это о том, что мы все обладаем одной и той же человеческой природой?

Вся концепция человечности и гуманизма основывается на идее человеческой природы, присущей всем людям. Это исходное положение как буддизма, так и иудейско-христианской мысли. Первое из этих учений разрабатывало представления о человеке в экзистенциалистских и антропологических понятиях; в нем предполагалось, что одни и те же психические законы значимы для всех людей, поскольку «человеческая ситуация» одинакова для всех нас; что все мы живем под влиянием иллюзии обособленности и нерушимости нашего Я; что все мы пытаемся найти ответ на вопрос о существовании, алчно цепляясь за вещи, в том числе и за такую специфическую вещь, как Я; что все мы страдаем, поскольку такой ответ на запрос жизни ошибочен, и что мы можем избавиться от страдания, только дав правильный ответ – необходимо преодолеть иллюзию обособленности, преодолеть алчность и пробудиться на встречу фундаментальным истинам, которые руководят нашим существованием.

Иудейско-христианская традиция определяла человека по-иному, поскольку основывалась на признании Бога как высшего творца и правителя. Мужчина и женщина – предки всего человеческого рода, и эти предки, как и все грядущие поколения, сотворены «по образу и подобию Божьему». Всем им свойственны одни и те же основные черты, делающие их людьми и дающие им возможность знать и любить друг друга. Такова предпосылка пророческой картины мессианского времени, мирного единения всего человечества.

Среди философов Спиноза – отец современной динамической психологии – первым постулировал представление о природе человека, осмыслив ее как «модель человеческой природы», которую можно найти и определить и из которой проистекают законы человеческого поведения и реагирования. Как и любое другое существо в природе, можно познать человека вообще, а не только людей той или иной культуры, потому что человек един и все мы во все времена подвластны одним и тем же законам. Философы XVIII и XIX вв. (особенно Гёте и Гердер) считали, что врожденная человеку человечность ведет его к более высоким ступеням развития; они верили, что каждый индивид несет в себе не только свою индивидуальность, но также и всю человечность со всеми ее возможностями. Они считали, что жизненной задачей человека является развитие через индивидуальность к всеобщности, и верили, что голосом человечности наделен каждый и каждое человеческое существо может его распознать⁷.

⁷ Ср. с книгой: Н.А. Korff, *Geist der Goethezeit* (Leipzig: Köhler and Amelang, 1958, 4th edition) и с блестящей статьей о гётевской Ифигении и идеале человечности, автор которой Oscar Seidline, *Essays in German Comparative Literature* (Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1961). – Примеч. автора.

Ныне идея человеческой природы, или сущности человека, пользуется дурной славой, частью из-за скептического отношения к метафизическим и абстрактным терминам типа «сущность человека», частью из-за утраты переживания человечности, лежавшего в основе представлений буддизма, иудео-христианства, Спинозизма и Просвещения. Современные психологи и социологи склонны считать человека чистым листом бумаги, на котором каждая культура пишет свои письма. И хотя они не отрицают единства человеческого рода, на долю упомянутого представления о человечности едва ли у них остается хоть какое-нибудь содержание.

В противоположность этим современным тенденциям Маркс и Фрейд полагали, что человеческое поведение полностью постижимо, потому что это поведение *человека*, т. е. биологического вида, который можно определить через психические и духовные характеристики.

Допуская существование природы человека, Маркс избежал распространенной ошибки смешения ее с некоторыми особенностями ее проявления. Он отличал «человеческую природу вообще» от «человеческой природы, изменяющейся в каждую историческую эпоху». Человеческую природу вообще, конечно же, нельзя увидеть как таковую, поскольку то, что мы наблюдаем, всегда представляет собой специфические проявления человеческой природы в различных культурах. Зато из всех многообразных проявлений мы можем вывести, что такое «человеческая природа вообще», какие законы ею управляют и какими потребностями обладает человек в качестве человека.

В ранних произведениях Маркс еще называл «человеческую природу вообще» «сущностью человека». Позже он отказался от этого термина, так как хотел пояснить, что «сущность человека не есть *абстракт*, присущий отдельному индивиду»⁸ (курсив мой. – Э. Ф.). Маркс также старался избежать того, чтобы создалось впечатление, будто он мыслит сущность человека как внеисторическую субстанцию. По Марксу, природа человека – это данные ему возможности, набор условий, как бы сырой человеческий материал, который сам по себе не может изменяться точно так же, как размер и структура человеческого мозга, которые остались неизменными со времен возникновения цивилизации. Тем не менее человек действительно изменяется в процессе истории. Он продукт истории, меняющий себя в ходе истории. Он становится тем, чем он является потенциально. История – это процесс созидания человеком самого себя путем развития в процессе труда потенций, данных ему от рождения. «Но так как... *вся так называемая всемирная история* есть не что иное, как порождение человека человеческим трудом, становление природы для человека, то у него есть наглядное, неопровержимое доказательство своего *порождения* самим собою, *процесса* своего *возникновения*»⁹.

Маркс был против двух позиций: внеисторической, согласно которой природа человека – это субстанция, существующая с самого начала истории, и релятивистской, согласно которой человеческая природа не обладает какими бы то ни было присущими ей качествами, а является не чем иным, как отражением социальных условий. Однако он так и не создал полностью развитой собственной теории природы человека, которая бы преодолела как внеисторическую, так и релятивистскую позиции; поэтому он не защищен от различных, порой противоречивых толкований.

⁸ Маркс К. Тезисы о Фейербахе // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 3. – С. 3. Ряд советских марксистов и некоторые писатели – некоммунисты заявили, что взгляды «раннего» Маркса, выраженные в «Философских рукописях», основательно отличаются от взглядов «зрелого» Маркса. Однако я считаю, как, впрочем, и большинство несоветских марксистов и социалистов-гуманистов, что подобная интерпретация несостоятельна и служит единственной цели – отождествить советскую идеологию с идеями Маркса. Ср. с обсуждением этого положения в работах: Фромм Э. Концепция человека у Маркса и Robert Taker, *Philosophy and Myth in Karl Marx* (Cambridge University Press, 1961). – Примеч. автора.

⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 42. – С. 126–127.

Тем не менее из его концепции человека вытекают некоторые идеи о здоровье и патологии. Основным проявлением психической патологии Маркс называет *изуродованного* и *отчужденного* человека; основным проявлением психического здоровья он считает активного, производительного, самостоятельного человека. Позже мы еще вернемся к этим представлениям после того, как обсудим концепцию человеческой мотивации у Маркса и у Фрейда.

Сейчас, однако, мы должны вернуться к представлениям о человеческой природе в учении Фрейда. Каждому знакомому с системой Фрейда вряд ли нужно объяснять, что предметом его исследования был человек как таковой, или, выражаясь языком Спинозы, Фрейд создал «модель человеческой природы». Модель эта создавалась в духе материалистической мысли XIX в. Человек считался машиной, движимой относительно постоянным количеством сексуальной энергии, называемой «либидо». Либидо создает болезненное напряжение, которое уменьшается только путем физического высвобождения энергии; это освобождение от болезненного напряжения Фрейд назвал «удовольствием». После снижения либидозного напряжения оно вновь нарастает под влиянием химических телесных реакций, порождая новую потребность уменьшить напряжение, т. е. потребность в «удовольствии». Этот динамизм, ведущий от напряжения к освобождению от него и вновь к возобновлению напряжения; от страдания к удовольствию и вновь к страданию, Фрейд назвал «принципом удовольствия». Он противопоставлял его «принципу реальности», который подсказывает человеку, к чему следует стремиться и чего избегать в реальном мире, в котором тот живет, чтобы обеспечить себе выживание. Принцип реальности часто вступает в конфликт с принципом удовольствия, и условием душевного здоровья является определенная уравновешенность между ними. Если же равновесие нарушено в пользу одного из принципов, результатом станут невротические и психотические проявления.

IV. Эволюция человека

Подобно Марксу, Фрейд осмысливает развитие человека в эволюционистских терминах. Размышляя о *развитии индивида*, Фрейд полагает, что основная движущая сила – сексуальная энергия – сама подвержена эволюции, имеющей место в жизни каждого индивида с рождения до половой зрелости. Либи́до проходит несколько стадий: сначала оно концентрируется вокруг процессов сосания и кусания у младенца, затем – вокруг анальных и уретральных выделений и, наконец, вокруг генитальных органов. В истории каждого индивидуума либи́до остается тем же и не совсем тем же: потенциально оно то же самое, но его проявления меняются в процессе индивидуального развития.

Представления Фрейда о *развитии человеческого рода* в некоторых чертах совпадают с представлениями об индивидуальном развитии, в других же расходятся. Он считает, что первобытный человек полностью удовлетворял свои инстинкты, в том числе и извращенные, составляющие часть примитивной сексуальности. Но первобытный человек, полностью удовлетворявший инстинкты, не способен был стать творцом культуры и цивилизации. Все же человек начинает создавать цивилизацию по причинам, которые Фрейду не удалось объяснить. Ее создание принудило человека отказаться от немедленного и полного удовлетворения своих инстинктов; неудовлетворенный инстинкт перешел в несексуальную духовную и психическую энергию, являющуюся строительным материалом цивилизации. (Эту трансформацию сексуальной энергии в несексуальную Фрейд назвал «сублимацией», используя аналогию с химическими процессами.) Чем выше уровень развития цивилизации, тем больше энергии человек сублимирует и тем больше он подавляет (*frustrates*) свои первичные либидозные импульсы. Он становится более мудрым и культурным, но в некотором смысле и менее счастливым, чем первобытный человек, и гораздо более склонным к неврозам в результате чрезмерного подавления (*frustration*) инстинктов. Поэтому созданная человеком цивилизация не удовлетворяет его. И хотя историческое развитие – это позитивное явление, если учитывать только созданные цивилизацией продукты, в то же время этот процесс включает в себя рост неудовлетворенности и возможности образования неврозов.

Другой аспект исторической концепции Фрейда связан с «Эдиповым комплексом». В работе «Тотем и табу» он излагает гипотезу, согласно которой решающим шагом на пути от первобытного общества к цивилизованному было восстание сыновей против ненавистного им отца и убийство его. Затем сыновья создали общество, основанное на договоренности, с тем чтобы исключить в дальнейшем убийство во время беспорядков и обеспечить моральные установления. По Фрейду, ребенок в своем развитии проходит подобный же путь. В возрасте пяти-шести лет мальчик испытывает сильнейшую ревность к отцу и вытесняет в себе желание убить его только под влиянием угрозы кастрации. Чтобы освободиться от постоянного страха, он усваивает табу на кровосмешение и тем самым закладывает ядро, вокруг которого будет формироваться его «совесть» (супер-Эго, или сверх-Я). Впоследствии к первоначальному табу, полученным от отца, добавляются запреты и требования, выраженные другими авторитетами и обществом.

Маркс не предпринимал попыток сделать набросок индивидуального развития. Он занимался исключительно развитием человека в истории.

Движение истории осуществляется, по Марксу, благодаря постоянно возобновляющимся противоречиям. Производительные силы нарастают и приходят в конфликт с устаревшими экономическими, социальными и политическими формами. Такой конфликт (например, между паровым двигателем и предшествовавшей ему общественной организацией производства) приводит к социальным и экономическим изменениям. Однако установившаяся стабильность вновь нарушается дальнейшим развитием производительных сил (напри-

мер, переходом от парового двигателя к использованию бензина, электричества, атомной энергии), что приводит к образованию новых социальных форм, больше соответствующих новым производительным силам. Конфликт между производительными силами и социально-политическими структурами сопровождается столкновением между социальными классами. Класс феодалов, опирающийся на прежние формы производства, приходит в столкновение с новым средним классом мелких производителей и предпринимателей; позже средний класс включается в борьбу против рабочего класса, так же как и против руководителей крупных монополистических предприятий, склонных душить более ранние и мелкие формы предпринимательской деятельности.

Психическое развитие человека происходит в рамках исторического процесса. Центральным положением эволюционистской теории Маркса является отношение человека к природе и развитие этого отношения. В начале истории человек полностью зависит от природы. По мере развития он все больше и больше освобождается от природной зависимости, начинает господствовать над природой и преобразовывать ее в процессе деятельности, а изменяя природу, он изменяет и самого себя. Зависимость от природы ограничивает свободу человека и его мыслительные способности: во многих отношениях он подобен ребенку. Он медленно взрослеет, и только когда он полностью овладеет природой и станет независимым существом, он сможет развернуть все свои интеллектуальные и эмоциональные способности. Согласно Марксу, социалистическое общество – это общество, в котором сформировавшийся человек начинает разворачиваться на полную мощь. Следующий отрывок, заимствованный из «Капитала», выражает некоторые идеи Маркса на этот счет: «Эти древние общественно-производственные организмы несравненно более просты и ясны, чем буржуазный, но они покоятся или на незрелости индивидуального человека, *еще не оторвавшегося от пуповины естественно-родовых связей с другими людьми*, или на непосредственных отношениях господства и подчинения. Условие их существования – низкая ступень развития производительных сил труда и соответственная ограниченность отношений людей рамками материального процесса производства жизни, а значит, ограниченность всех их отношений друг к другу и к природе. Эта действительная ограниченность отражается идеально в древних религиях, обожествляющих природу, и народных верованиях. Религиозное отражение действительного мира может вообще исчезнуть лишь тогда, когда отношения практической повседневной жизни людей будут выражаться в прозрачных и разумных связях их между собою и с природой. Строй общественного жизненного процесса, т. е. материального процесса производства, сбросит с себя мистическое туманное покрывало лишь тогда, когда он станет продуктом свободного общественного союза людей и будет находиться под их сознательным планомерным контролем. Но для этого необходима определенная материальная основа общества или ряд определенных материальных условий существования, которые представляют собой естественно выросший продукт долгого и мучительного процесса развития»¹⁰ (курсив мой. – Э. Ф.).

Род человеческий в процессе труда постепенно освобождается от матери-природы, и, освобождаясь, человек развивает свои интеллектуальные и эмоциональные силы и взрослеет, становясь независимым и свободным. Когда он окончательно поставит природу под свой полный и разумный контроль, когда общество окончательно утратит классово-антагонистический характер, «предыстория» закончится – и начнется подлинно человеческая история, в которой свободный человек планирует и организует свой обмен с природой и в которой целью всей общественной жизни является не труд и не производство, а развертывание человеческого содержания как цель в себе. Для Маркса это сфера свободы, в которой человек будет связан теснейшими узами с другими людьми и с природой.

¹⁰ Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 23. – С. 89–90.

Противостояние Маркса и Фрейда во взглядах на историю совершенно очевидно. Маркс непоколебимо верил в возможность для человека развиваться и совершенствоваться, что коренилось в мессианской традиции Запада, начиная с пророков, через христианство, Возрождение и мысль эпохи Просвещения. Фрейд был скептиком, особенно после Первой мировой войны. Он рассматривал проблему развития человека как трагедию по преимуществу. Что бы человек ни делал, это заканчивалось фрустрацией¹¹; если бы ему удалось вернуться к первобытному состоянию, он бы добился удовольствия, но лишился мудрости; если он продолжает создавать все более утонченные цивилизации, он становится мудрее, но вместе с тем менее счастливым и более подверженным заболеванию. Для Фрейда эволюция – двусмысленное благодеяние: общество причиняет не меньше вреда, чем пользы. Для Маркса история – движение к самореализации человека; и как бы ни было велико зло, сотворенное данным обществом, общество остается необходимым условием для самопорождения и саморазвертывания человека. «Хорошее общество» для Маркса тождественно обществу хороших людей, т. е. всесторонне развитых, здравомыслящих и продуктивных индивидов.

¹¹ Фрустрация – состояние гнетущего напряжения и тревоги как реакция на невозможность достичь определенной цели. – Примеч. пер.

V. Человеческая мотивация

Какие же мотивы побуждают человека действовать определенным образом, какие стремления толкают его в определенном направлении?

На первый взгляд кажется, будто, отвечая на этот вопрос, Маркс и Фрейд наиболее далеки друг от друга, а между их системами существует неразрешимое противоречие. «Материалистическое» учение Маркса об истории обычно истолковывается как утверждение того, что основным мотивом для человека является его стремление к удовлетворению материальных потребностей, его желание использовать и иметь все больше и больше. Затем эта алчность как основная человеческая мотивация противопоставляется представлению Фрейда, согласно которому наиболее сильную мотивацию составляет сексуальная потребность человека. Стремление к собственности, с одной стороны, и стремление к сексуальному удовлетворению – с другой, представляются противоположными объяснениями человеческой мотивации.

Из всего уже сказанного о теории Фрейда вытекает, что такое предположение искажает его концепцию в результате чрезмерного ее упрощения. Фрейд считает, что человеком движут противоречия, особенно противоречие между стремлением к сексуальному удовольствию и стремлением к выживанию и господству над окружающим. Этот конфликт стал выглядеть еще сложнее, когда Фрейд постулировал еще один фактор, противостоящий уже упомянутому, – супер-Эго, т. е. воспринятые ребенком авторитет отца и нормы, которые он олицетворял. Таким образом, с точки зрения Фрейда, человеком руководят конфликтующие друг с другом силы, но ни в коем случае не одно лишь желание сексуального удовлетворения¹².

Расхожее представление о Марксовой теории мотивации еще сильнее искажает его мысль, чем в случае с Фрейдом. Искажение начинается с неверного понимания термина «материализм». Этот термин, как и противоположный ему – «идеализм», имеют два совершенно разных значения в зависимости от контекста, в котором они применяются. Когда они отнесены к человеку, то «материалистом» называют того, кто в основном озабочен удовлетворением материальных стремлений, а «идеалистом» – того, кто руководствуется идеей, т. е. духовной или этической мотивацией. Однако в философской терминологии «материализм» и «идеализм» имеют совершенно иные значения, и в этом контексте термин «материализм» можно употребить, говоря о Марксовом «историческом материализме» (термин, которым сам Маркс в действительности никогда не пользовался). С философской точки зрения, идеализм означает признание того, что основную реальность составляют идеи, а материальный мир, воспринимаемый с помощью органов чувств, сам по себе реальностью не обладает. Для материализма, преобладавшего в конце XIX в., реальна материя, но не идеи. В противовес механистическому материализму (лежавшему в основании учения Фрейда), Маркс не занимался установлением причинных связей между материей и мышлением, а рассматривал все явления как результат *деятельности реальных людей*. «В прямую противоположность немецкой философии, – писал Маркс, – спускающейся с неба на землю, мы здесь поднимаемся с земли на небо, т. е. мы исходим не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе... чтобы от них прийти к подлинным людям; для нас исходной точкой являются действительно деятельные люди, и из их действительного жизненного процесса

¹² Попутно упомяну, что, развивая свою теорию дальше, Фрейд продолжал мыслить противоречивыми категориями, в частности «инстинкт жизни» и «инстинкт смерти» как две силы, постоянно враждующие в человеке и мотивирующие его поступки. – Примеч. автора.

мы выводим также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»¹³ (курсив мой. – Э. Ф.).

Маркс «материализм» предусматривает, что наше изучение человека мы начинаем с реального человека, каким мы его находим, а не с его мысли о себе и о мире, с помощью которых он пытается объяснить самого себя. Чтобы понять, как могло возникнуть в случае с Марксом смешение личностного и философского истолкования материализма, мы должны продолжить наше рассмотрение до так называемой марксовой «экономической теории общества». Этот термин поняли так, будто бы, по Марксу, деятельность человека в историческом процессе определяется исключительно экономическими мотивами; другими словами, «экономический» фактор был истолкован в связи с психологическим, субъективным мотивом, т. е. как экономический интерес. Но Маркс не это имел в виду. Исторический материализм – отнюдь не *психологическая* теория; он исходит из того, что способ производства определяет практическую жизнь, способ бытия человека, а практика определяет его мышление, социальную и политическую структуру общества. В этом контексте экономика связывается не с *психическими побуждениями*, а со *способом производства*, не с *субъективно-психологическим*, а с *объективным социально-экономическим фактором*. Идея Маркса о том, что человека формирует его практическая жизнь, сама по себе не нова. Ту же самую идею Монтескье выразил следующим образом: «Институты формируют людей»; аналогично выражал ее и Роберт Оуэн. Новым в системе Маркса было то, что он детально проанализировал, что представляют собой эти институты, точнее говоря, что сами институты следует рассматривать как часть целостной системы производства, характеризующей данное общество. Различие в экономических условиях порождает различие в психологической мотивации. Одна экономическая система может привести к формированию аскетических наклонностей, как было на заре развития капитализма; другая – к преобладанию бережливости и накопительства, как в условиях капитализма XIX в.; следующая – к преобладающему желанию тратить и к все возрастающему потреблению, как при капитализме XX в. В системе Маркса есть лишь одна квазипсихологическая предпосылка: человек сначала должен есть и пить, иметь крышу над головой и одежду, прежде чем он сможет заниматься политикой, наукой, искусством, религией и пр. Отсюда производство необходимых средств существования, а соответственно и степень экономического развития, достигнутая в данном обществе, образуют основу, на которой развиваются социальные и политические институты, а также искусство и религия. В каждый исторический период сам человек формируется преобладающим образом жизни, который, в свою очередь, определяется способом производства. Все это, однако, не означает, будто стремление производить или потреблять является основной мотивацией человека. Напротив, Маркс критикует капиталистическое общество главным образом за то, что оно превращает желание человека «иметь» и «использовать» в господствующее стремление. Маркс считал, что человек, главенствующим желанием которого является «иметь» и «использовать», – это изуродованный человек. Маркс ставил своей целью достижение социалистического общества, организованного таким образом, чтобы *не* выгода и *не* частная собственность были господствующими целями, а свободное развертывание всех человеческих сил. Полностью развитой, истинно очеловеченный человек – это не тот, кто *имеет* много, а тот, что *является* многим.

Воистину одним из наиболее ярких примеров способности человека искажать чужие идеи и истолковывать их по своему разумению является то, что сторонники капитализма нападают на Маркса за его приверженность якобы «материалистическим» целям. Но это не только не соответствует действительности; парадокс состоит в том, что те же самые защитники капитализма нападают на социализм, заявляя, что стремление к прибыли, на которой

¹³ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 3. – С. 25.

покоится капитализм, – единственный значимый мотив созидательной человеческой деятельности и что социализм не может быть эффективным, потому что исключает стремление к прибыли как основной стимул экономики. Все это выглядит еще более запутанным и парадоксальным, если учесть, что российский коммунизм принял эту капиталистическую идею и что для советских руководителей, рабочих и крестьян стремление к выгоде представляется наиболее важным побудительным мотивом современной советской экономики. Не только на практике, но часто и в теоретических положениях о человеческой мотивации советская и капиталистическая системы согласны друг с другом и обе одинаково противоречат теории Маркса и его целям¹⁴.

¹⁴ Такер ошибочно полагает, будто, по мнению Маркса, вынужденное стремление накапливать богатства с принудительной необходимостью превращает свободную творческую самодеятельность в отчужденный труд. В основе ошибки Такера – неправильный перевод текста Маркса, на который он ссылается. В «Экономическо-философских рукописях» Маркс говорит следующее: «die einzigen Räder, die die National O?konomie in Bewegung setzt, sind die Habsucht», и т. д. Это означает: «Единственными маховыми колесами, которые пускает в ход политэконом, являются корыстолюбие...», а вовсе не то, как переводит Такер: «Единственными маховыми колесами, которые пускают в ход политэкономия, являются корыстолюбие...» Здесь субъект и предикат поменялись местами. – Примеч. и курсив автора. // Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 42. – С. 87. – Примеч. пер.

VI. Больной индивид и больное общество

Что представляет собой концепция психической патологии у Фрейда и у Маркса? Концепция Фрейда хорошо известна. Она исходит из допущения, что, если человек не справляется с эдиповым комплексом, иначе говоря, если ли человеку не удастся преодолеть свои инфантильные стремления и развить зрелую генитальную ориентацию, он разрывается между своими детскими желаниями и требованиями взрослого человека. Невротические симптомы свидетельствуют о компромиссе между инфантильными и взрослыми потребностями, в то время как психоз – это такой вид патологии, при котором детские желания и фантазии переполняют Эго взрослого человека и ни о каком компромиссе между двумя мирами нет и речи.

Маркс, конечно, никогда всерьез не занимался психопатологией, тем не менее он говорит об одной форме психических отклонений, которая, по его мнению, является наиболее фундаментальным выражением психопатологии и преодоление которой составляет цель социализма, – об *отчуждении*¹⁵.

Что же понимает Маркс под отчуждением? Суть этого понятия, впервые разработанного Гегелем, состоит в том, что мир (природа, вещи, другие люди и сам человек) стал чужд человеку. Человек не ощущает себя субъектом собственных действий, человеком мыслящим, чувствующим, любящим, он ощущает себя только в произведенных им вещах, т. е. объектом внешних проявлений собственных сил. Он находится в контакте с самим собой, только подчиняясь им самим созданным продуктам.

Считая Бога субъектом истории, Гегель усматривал в человеке Бога в состоянии самоотчуждения, а в историческом процессе – возвращение Бога к самому себе.

Фейербах перевернул учение Гегеля¹⁶; он считал, что Бог представляет собой силы самого человека, перенесенные с человека – собственника этих сил – на внешнее существо, так что человек соприкасается со своими собственными силами только через поклонение Богу; и чем Бог сильнее и богаче, тем слабее и беднее становится человек.

Мысли Фейербаха глубоко взволновали Маркса и сильно повлияли на него. Во введении «К критике гегелевской философии права» (написанной к концу 1843 г.) он последовал за Фейербахом в анализе отчуждения. В «Экономически-философских рукописях» 1844 г. Маркс перешел от *религиозного отчуждения* к *отчуждению труда*. По аналогии с феербаховским анализом религиозного отчуждения Маркс писал: «Рабочий становится тем беднее, чем больше богатства он производит, чем больше растут мощь и размеры его продукции»¹⁷. А несколькими абзацами дальше Маркс написал: «Все эти следствия уже заключены в том определении, что рабочий относится к *продукту своего труда* как к *чуждому пред-*

¹⁵ Концепция отчуждения все больше оказывается в фокусе дискуссий об идеях Маркса в Англии, Франции, Германии и США, как, впрочем, и в Югославии и в Польше. Большинство участников этих обсуждений, включая протестантских и католических теологов, а также социалистов-гуманистов, стоят на том, что задача преодолеть отчуждение является центральным звеном социалистического гуманизма Маркса и целью социализма; к тому же между ранним и зрелым Марксом существует полная преемственность, несмотря на различия в терминологии и акцентах (упомяну лишь некоторых авторов, относящихся к этой группе: Рюбель, Голдман, Баттмор, Фромм, Петрович, Маркович, Враницкий, Блох, Лукач). Другие авторы, как Д. Белл, Л. Фойер и до некоторой степени Ч. Р. Миллс, считают, что тема отчуждения не является для Маркса ни нужной, ни тем более центральной. – Примеч. автора.

¹⁶ Ср. с дискуссией по проблеме отчуждения в книге R. Taker, *Philosophy and Myth in Karl Marx*, Cambridge University Press, 1961, pp. 85 ff. – Примеч. автора.

¹⁷ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 42. – С. 87. Вряд ли можно считать таким уж надуманным довод, согласно которому Маркс, разрабатывая свою ошибочную теорию о все возрастающем обнищании рабочего в процессе развития капитализма, находился под влиянием этой аналогии между религиозным и экономическим отчуждением, хотя его экономические положения кажутся не чем иным, как логическим выводом из его экономической теории о труде, стоимости и других факторах. – Примеч. автора.

мету. Ибо при такой предпосылке ясно: чем больше рабочий выматывает себя на работе, тем могущественнее становится чужой для него предметный мир, создаваемый им самим против самого себя, тем беднее становится он сам, его внутренний мир, тем меньшее имущество ему принадлежит. Точно так же обстоит дело и в религии. Чем больше вкладывает человек в Бога, тем меньше остается в нем самом. Рабочий вкладывает в предмет свою жизнь, но отныне эта жизнь принадлежит уже не ему, а предмету. Таким образом, чем больше эта его деятельность, тем беспредметнее рабочий... *Отчуждение* рабочего в его продукте имеет не только то значение, что его труд становится предметом, приобретает *внешнее* существование, но еще и то значение, что его труд существует *вне его*, независимо от него, как нечто чужое для него, и что этот труд становится противостоящей ему самостоятельной силой; что жизнь, сообщенная им предмету, выступает против него как враждебная и чуждая»¹⁸. Рассуждая дальше, Маркс показывает, что рабочий отчужден не только от созданных им продуктов; «отчуждение проявляется не только в конечном результате, но и в самом *акте* производства, в самой *производственной деятельности*»¹⁹. И вновь он возвращается к аналогии между отчужденным трудом и религиозным отчуждением. «Подобно тому как в религии самодеятельность человеческой фантазии, человеческого мозга и человеческого сердца воздействует на индивидуума независимо от него самого, т. е. в качестве какой-то чужой деятельности, божественной или дьявольской, так и деятельность рабочего не есть его самодеятельность»²⁰.

От концепции отчужденного труда Маркс переходит к концепции отчуждения человека от самого себя, от других людей и от природы. Он определяет труд в его первоначальной неотчужденной форме как «жизнедеятельность, производственную жизнь», а затем переходит к определению родовой специфики человека как «свободной сознательной деятельности». В отчужденном труде свободная сознательная деятельность человека искажается до состояния отчужденной деятельности, и «сама жизнь оказывается лишь *средством* к жизни»²¹.

Как свидетельствуют приведенные положения, Маркс озабочен отнюдь не только отчуждением человека от произведенного продукта или отчуждением труда. Его беспокоит отчуждение человека от жизни, от самого себя, от своих близких. Эту мысль Маркс выразил в следующих положениях: «Таким образом, отчуждение труда приводит к следующим результатам:

1) *Родовая сущность человека* – как природа, так и его духовное родовое достояние – превращается в *чуждую* ему сущность, в *средство* для поддержания его *индивидуального существования*. Отчужденный труд отчуждает от человека его собственное тело, как и природу вне его, как и его духовную сущность, его *человеческую сущность*.

2) Непосредственным следствием того, что человек отчужден от продукта своего труда, от своей жизнедеятельности, от своей родовой сущности, является *отчуждение человека от человека*. Когда человек противостоит самому себе, то ему противостоит *другой* человек. То, что можно сказать об отношении человека к своему труду, к продукту своего труда и к самому себе, то же можно сказать и об отношении человека к другому человеку, а также к труду и к предмету труда другого человека.

¹⁸ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 42. – С. 88–89.

¹⁹ Там же, с. 90.

²⁰ Там же, с. 91.

²¹ Там же, с. 93.

Вообще положение о том, что от человека отчуждена его родовая сущность, означает, что один человек отчужден от другого и каждый из них отчужден от человеческой сущности»²².

Представляя марксову концепцию отчуждения, изложенную в «Экономическо-философских рукописях», должен добавить, что эта концепция сохраняет центральное значение во всех последующих его работах, включая «Капитал», чего не скажешь о слове «отчуждение». В «Немецкой идеологии» Маркс писал: «...Пока... существует разрыв между частным и общим интересом... собственная деятельность человека становится для него чуждой, противостоящей ему силой, которая угнетает его, вместо того чтобы он господствовал над ней»²³. И дальше: «Это закрепление социальной деятельности, это консолидирование нашего собственного продукта в какую-то вещественную силу, господствующую над нами, вышедшую из-под нашего контроля, идущую вразрез с нашими ожиданиями и сводящую на нет наши расчеты, является одним из главных моментов в предшествующем историческом развитии»²⁴. А вот небольшая часть положений «Капитала», касающихся отчуждения: «В мануфактуре и ремесле рабочий заставляет орудие служить себе, на фабрике он служит машине. Там движение орудия труда исходит от него, здесь он должен следовать за движением орудия труда. В мануфактуре рабочие являются членами одного живого механизма. На фабрике мертвый механизм существует независимо от них, и они присоединены к нему как живые придатки»²⁵. В процессе воспитания в будущем «...производительный труд будет соединяться с обучением и гимнастикой не только как одно из средств для увеличения общественного производства, но и как единственное средство для производства *всесторонне развитых людей*»²⁶ (курсив мой. – Э. Ф.). Или дальше: «...Крупная промышленность... как вопрос жизни и смерти, ставит задачу:...частичного рабочего, простого носителя известной частичной общественной функции, заменить *всесторонне развитым* индивидуумом, для которого различные общественные функции суть сменяющие друг друга способы жизнедеятельности»...²⁷ (курсив мой. – Э. Ф.).

Таким образом, согласно Марксу, отчуждение – болезненное состояние человека. Это далеко не новая болезнь, поскольку начинается неизбежно вместе с разделением труда, т. е. с превосходства цивилизации над первобытным состоянием. В наибольшей степени этой болезни подвержен рабочий класс, хотя от нее страдают все. Лечить болезнь можно только тогда, когда она достигла пикового состояния; только полностью отчужденный человек может преодолеть отчуждение: он вынужден преодолевать отчуждение, поскольку не может жить в состоянии тотального отчуждения и оставаться нормальным. Ответом на данную проблему является социализм: это общество, в котором человек становится сознательным субъектом истории, ощущает себя субъектом собственных сил и поэтому освобождает себя от привязки к вещам и обстоятельствам. Эту идею о социализме и реализации свободы Маркс выразил в конце III тома «Капитала»: «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нуждой и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей оно лежит по ту сторону сферы собственно материального производства. Как первобытный человек, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы

²² Там же, с. 94–95.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 3. – С. 31.

²⁴ Там же, с. 32.

²⁵ Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 23. – С. 433. Целиком вся проблема преемственности представлений об отчуждении в мысли Маркса прекрасно представлена в книге Р. Такера «Philosophy and Myth in Karl Marx». Ср. также с главой о преемственности Марксовой мысли в моей книге «Концепция человека у Маркса». – Примеч. автора.

²⁶ Маркс К. Капитал. Т. 1 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. – Т. 23. – С. 495.

²⁷ Там же, с. 499.

сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный человек, должен во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С развитием человека расширяется это царство естественной необходимости, потому что расширяются его потребности; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что *коллективный человек, ассоциированные производители рационально регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того чтобы он господствовал над ними как слепая сила*; совершают его с наименьшей затратой сил и при условиях, наиболее достойных их человеческой природы и адекватных ей. *Но тем не менее это все же остается царством необходимости.* По ту сторону его начинается развитие человеческих сил, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе»²⁸.

Мы лучше поймем моральный и психологический смысл проблемы отчуждения, если рассмотрим положения Маркса по поводу этих двух ее сторон. По мнению Маркса, отчуждение разлагает и извращает все человеческие ценности. Возводя экономическую деятельность и присущие ей ценности, такие как *«нажива, труд и бережливость, трезвость»*²⁹, в ранг высших жизненных ценностей, человек лишается возможности развивать подлинно моральные ценности человечества, «богатство такими вещами, как чистая совесть, добродетели и т. д.; но как я могу быть добродетельным, если я вообще не существую? Как я могу иметь чистую совесть, если я ничего не знаю?»³⁰. В состоянии отчуждения каждая сфера жизни, экономическая и моральная, не связаны друг с другом, «каждая фиксирует особый круг отчужденной сущностной деятельности и каждая относится отчужденно к другому отчуждению»³¹.

С изумительной ясностью Маркс предвидел, как потребности человека в отчужденном обществе будут извращаться до состояния подлинных слабостей. Для Маркса очевидно, что при капитализме «каждый человек старается пробудить в другом какую-нибудь *новую* потребность, чтобы вынудить его принести новую жертву, поставить его в новую зависимость и толкнуть его к новому виду *наслаждения*, а тем самым и к экономическому разорению. Каждый стремится вызвать к жизни какую-нибудь *чуждую* сущностную силу, господствующую над другим человеком, чтобы найти в этом удовлетворение своей собственной своекорыстной потребности. Поэтому с ростом массы предметов растет царство чуждых сущностей, под игом которых находится человек, и каждый новый продукт представляет собой новую *возможность* взаимного обмана и взаимного ограбления. Вместе с тем человек становится все беднее как человек, он все в большей мере нуждается в *деньгах*, чтобы овладеть этой враждебной сущностью, и сила его *денег* падает как раз в обратной пропорции к массе продукции, т. е. его нуждаемость возрастает по мере возрастания *власти* денег. — Таким образом, потребность в деньгах есть подлинная потребность, порождаемая политической экономией, и единственная потребность, которую она порождает. — *Количество* денег становится все в большей и большей мере их единственным *могущественным* свойством; подобно тому как они сводят всякую сущность к ее абстракции, так они сводят и самих себя

²⁸ Маркс К. Капитал. Т. 3 // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — Т. 25. Ч. II. — С. 386–387.

²⁹ Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года // К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. — Т. 42. — С. 133. Между прочим, эти ценности принадлежат не только капитализму XIX века, они признаны основными ценностями в Советской России. Ср. с подробным обсуждением этого положения в книге E. Fromm *Man Prevail* (New York: Doubleday and Anchor Books, 1961). — Примеч. автора.

³⁰ Там же, с. 133.

³¹ Там же.

в своем собственном движении к *количественной* сущности. *Безмерность* и *неумеренность* становятся их истинной мерой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.